

ДОВОЛЬСТВО ДЛЯ ВСЕХ

Довольство для всех - не мечта. С тех пор, как наши предки положили столько труда, чтобы сделать работу более производительной, оно стало возможным и осуществимым.

Мы знаем, что уже теперь производительные рабочие, составляющие в каждой образованной стране менее трети населения, производят достаточно продуктов для того, чтобы обеспечить некоторое довольство в каждой семье. Мы знаем, кроме того, что, если бы все, кто расточает теперь чужой труд, были вынуждены сами заниматься каким-нибудь полезным трудом, наше богатство возросло бы в несколько раз, больше даже, чем возросло бы число рабочих рук. Мы знаем, наконец, что, вопреки теории Мальтуса - этого жреца буржуазной науки, - производительная сила человека увеличивается быстрее его собственного размножения. Чем больше скучены люди в какой-нибудь стране, тем быстрее идет развитие их производительных сил.

В самом деле, в то время как население Англии возросло с 1844 года всего на 62%, ее производительные силы увеличились по меньшей мере на 130%. Во Франции, где население увеличилось меньше, рост производительных сил тем не менее также шел очень быстро. Несмотря на удручающие земледельческие кризисы, на обирательство крестьян государством, на рекрутчину, на обирание земледельцев банкирами, финансистами и промышленными хозяевами, в течение последней четверти века производство пшеницы учетверилось во Франции, а промышленное производство удесятерилось. В Соединенных Штатах мы находим еще более поразительный прогресс: несмотря на эмиграцию - или, вернее, именно вследствие этого притока рабочих из Европы, - Соединенные Штаты увеличили свое производство в десятки раз.

Но эти цифры дают лишь слабое понятие о том, что мы могли бы производить при более разумных условиях жизни. В настоящее время по мере увеличения производительной способности растет в ужасающих размерах и армия тунеядцев и посредников. Вопреки царившему прежде среди социалистов мнению, что капитал скоро настолько сконцентрируется в немногих руках, что для овладения общим имуществом достаточно будет экспроприировать нескольких миллионеров, оказывается, что число лиц, живущих чужим трудом, становится в действительности все более и более значительным.

Во Франции на тридцать человек жителей не приходится и десяти непосредственных производителей.

Все земледельческое богатство страны есть дело семи миллионов человек, а в двух главных отраслях ее промышленности - в коях и в производстве тканей - насчитывается меньше двух с половиною миллионов рабочих. Сколько же оказывается в таком случае эксплуататоров труда? В Англии (с Шотландией и Ирландией) всего 1030000 рабочих заняты в фабрикациях всевозможных тканей - миткалей, сукон, шелков, джута, кружев и т. под, и из них всего только 300 000 мужчин - остальное же женщины, подростки и дети. Около полумиллиона работают во всех коях и рудниках; в Англии и Шотландии всего с небольшим миллион обрабатывают землю, и статистикам приходится преувеличивать цифры для того, чтобы установить максимум в 8 миллионов производителей на 26 миллионов жителей Англии и Шотландии'. В действительности же самое большее шесть или семь миллионов рабочих создают все богатства, рассылаемые Англией во все концы света. Сколько же после этого окажется людей, живущих доходом с капитала, или посредников-купцов, которые получают доход со всего мира и заставляют потребителя платить себе в несколько раз (от 5 до